

УЧРЕЖДЕНІЯ И НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ

Шапсуговъ и Натухажцевъ.

Статья бывшаго Д.-члена Отдѣла, покойнаго Л. Я. Люлье.

(переводъ съ французскаго).

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Предлагаемая статья, посмертный трудъ Л. Я. Люлье, есть продолженіе статей его, напечатанныхъ въ IV и V книжкахъ Записокъ Отдѣла; всѣ онѣ написаны съ цѣлію дать общее понятіе о горцахъ Западнаго Кавказа. Въ первой авторъ опредѣляетъ, какіе именно горскія племена заселяли Западный Кавказъ; во второй описываетъ племена Шапсуговъ, Натухажцевъ и Абадзеховъ, излагая собранныя свѣденія объ ихъ происхожденіи, распространеніи и внутреннихъ реформахъ; въ третьей описываетъ вѣрованія и религіозные обряды горцевъ. Наконецъ, въ четвертой излагаетъ сущность существовавшаго у Шапсуговъ и Натухажцевъ судоустройства и судопроизводства.

Общій очеркъ этотъ въ томъ видѣ, въ какомъ заканчивается послѣднею статьею, представляетъ весьма полное цѣлое. Изъ всѣхъ извѣстныхъ дѣателей по собиранію этнографическихъ свѣденій въ землѣ Шапсуговъ, Натухажцевъ и Абадзеховъ, г. Люлье, можно сказать, только одинъ обладалъ счастливою возможностью дѣлать непосредственныя распросы и подмѣчать подробности быта на мѣстѣ, въ самый разгаръ жизни. Онъ въ совершенствѣ зналъ языкъ ихъ и прожилъ между ними болѣе 5 лѣтъ. Эти преимущества придаютъ его труду особенное значеніе. Представляя послѣднее слово наблюдателя правдиваго и обладавшаго огромнымъ запасомъ свѣденій, статьи эти, во всякомъ случаѣ, составляютъ весьма драгоцѣнный матеріалъ. Можно положительно сказать, что для опредѣленія этнографическихъ особенностей племенъ Западнаго Кавказа труды

Люлье будутъ, не смотря на слишкомъ сжатое изложеніе, служить лучшимъ источникомъ и исходною точкою сравнительнаго ихъ изученія. Естественное любопытство по этому вопросу слишкомъ затронуто послѣдними событіями на Кавказѣ; полная параллель жизненныхъ явленій между всѣми племенами Западнаго Кавказа тѣмъ еще интереснѣе, что многія изъ нихъ уже, такъ сказать, обречены на исчезновеніе съ лица земли. Болѣе подробныя свѣденія собраны г-мъ Люлье у Шапсуговъ, Натухажцевъ и Абадзеховъ. По счастливой случайности замѣтки этого вполне компетентнаго знатока дѣла, касаются именно той части всего населенія, которая могла бы по случаю переселенія горцевъ въ Турцію остаться навсегда неразслѣдованною.

Кромѣ того труды г. Люлье важны по заключающимся въ собранныхъ имъ свѣденіяхъ доказательствамъ положительнаго сходства, чтобы не сказать тождества, всѣхъ горскихъ племенъ Западнаго Кавказа по ихъ быту и внутренней жизни. Всякій, останавливающийся на этой мысли, найдетъ въ его статьяхъ крупныя факты для ея подтвержденія. Правда, авторъ нигдѣ прямо и категорически не высказалъ этой мысли, но она присуща всему труду его. Будущимъ изслѣдователямъ предстонтъ окончательное рѣшеніе этого вопроса. Они ясно выскажутъ недосказанную Люлье истину, что жизнь въ этихъ горахъ, обусловленная слишкомъ рѣзкими и одинаковыми вліяніями, вычеканилась въ такую твердую и опредѣленную форму, что никакіе приливы извнѣ, никакая кровь, не могли ее измѣнить. Опираясь на условія топографическія, упущенныя уже совсѣмъ изъ виду нашимъ наблюдателемъ, изслѣдователи придутъ необходимо и къ другой истинѣ, что основною причиною крайней дикости горцевъ, неспособности ихъ къ развитію, печальной ихъ роли въ средѣ человечества и загадочной исторической судьбы, была непрístupная ихъ мѣстность, какъ разобщавшая ихъ отъ остальнаго міра, такъ и разбивавшая всякую внутреннюю связь между ними. Значеніе этихъ горъ свяжетъ два противоположныя явленія въ жизни ихъ обитателей: разъединеніе обществъ и единство ихъ жизненныхъ формъ.

Съ этой послѣдней стороны предлагаемая статья г. Люлье имѣетъ значеніе, не только съ научной, но и съ практической точки зрѣнія, по сходству изображенныхъ въ ней съ тою отчетливостью и законченностію юридическихъ обычаевъ Шапсуговъ и Натухажцевъ съ обычаями племенъ, оставшихся теперь на Западномъ Кавказѣ.

У Шапуговъ и Натухажцевъ нѣтъ особо устроенныхъ, постоянныхъ судовъ (1). Правосудіе предоставлено частнымъ лицамъ. Преступленія преслѣдуетъ одно только чувство личнаго оскорбленія. Преступникъ требуется къ суду только по настояніямъ обиженнаго. Исходя въ дѣлѣ своего суда изъ такого недостаточнаго основанія, горцы, конечно не могли оградить себя отъ анархій. Мы постараемся въ надлежащей точности изложить всѣ относящіяся сюда подробности.

Взаимная присяга выборныхъ представителей отъ общинъ, составляющихъ описываемыя племена, служитъ для всѣхъ и каждаго обязательствомъ не дѣлать ничего во вредъ и безчестье союзу и кончать со взаимною справедливостію всѣ могущія возникнуть между членами различныхъ общинъ споры. На этомъ основаніи каждый разъ, когда обвиняемый требуется обвинителемъ, или обиженнымъ къ отвѣту, то онъ долженъ предстать предъ собраніе выборныхъ представителей; тогда лица эти, уже въ качествѣ судей, имѣютъ право дѣлать приговоръ и опредѣлять взысканіе пени, которая должна быть уплачена виновнымъ обиженному въ справедливое удовлетвореніе и возмездіе.

Судьи избираются въ числѣ соразмѣрномъ съ важностью дѣла, но не иначе, какъ съ обоюднаго согласія обѣихъ спорящихъ сторонъ. Приступая къ разбору, они раздѣляются на двѣ части и располагаются двумя отдельными кружками на такой разстояніи, чтобы не было слышно въ одномъ о чемъ разсуждаютъ и разговариваютъ въ другомъ. Они называются *таарко-хьясь* (2), что въ переводѣ значить—присяжный. Изъ нихъ же избираются два лица, по одному для каждой стороны, въ родѣ адвокатовъ-руководителей, называемыхъ *тлукуо*. Здѣсь я считаю умѣстнымъ заявить въ качествѣ неоднократнаго свидѣтеля

(1) Свѣденія эти относятся ко времени, предшествовавшему Восточной войнѣ. Въ последнее время и у Натухажцевъ, и у Шапуговъ судъ происходилъ въ особыхъ *мекеме*.

(2) Всѣ черкесскія слова въ рукописи автора написаны русскими буквами, по этому можно ручаться за ихъ вѣрность. *Ред.*

о томъ замѣчательномъ превосходствѣ горцевъ, которое проявляется въ легкости, даже, можно сказать, краснорѣчіи изложенія мыслей и во врожденной способности ихъ вести правильныя пренія, къ которымъ имѣютъ большую привычку. Адвокаты-руководители выслушиваютъ жалобу и доводы обвинителей, передаютъ содержаніе ихъ объясненій обвиняемому и, такимъ образомъ переходятъ отъ одного кружка къ другому до тѣхъ поръ, пока судьи не узнаютъ вполне сущности и подробностей дѣла. За тѣмъ судьи обѣихъ спорящихъ сторонъ сходятся въ общую группу, чтобы выслушать показанія свидѣтелей безъ присяги, или подъ присягою, смотря по важности тяжбы. Свидѣтелями могутъ быть только люди извѣстные своею честностію и хорошимъ поведеніемъ. По выслушаніи свидѣтелей всѣ постороннія лица удаляются; судьи, оставшись одни, опредѣляютъ приговоръ, имѣющій силу окончательнаго судебного постановленія и уже никакой апелляціи не подлежащій. Прежде объявленія рѣшенія обвинитель и обвиняемый даютъ присягу: первый въ томъ, что обязывается забыть всякое чувство неприязни къ обвиняемому, а второй въ томъ, что обязывается безпрекословно подчиниться требованіямъ состоявшагося приговора и не позволять себѣ уклоняться отъ должнаго его исполненія. Чтобы болѣе упрочить взаимную связь налагаемыхъ обязательствъ, берется и отъ истца и отъ отвѣтчика по одному присяжному поручителю, отвѣчающему за поведеніе каждаго. Весьма рѣдко случается, чтобы послѣ этого отвѣтчикъ, или осужденный изъявилъ свое неудовольствіе, или несогласіе на рѣшеніе.

Такъ какъ по болѣе части и въ наказаніе и въ удовлетвореніе опредѣляется пеня, то всегда назначается срокъ ея уплаты. Пеня уплачивается не иначе, какъ въ присутствіи лицъ, участвовавшихъ въ судѣ въ качествѣ адвокатовъ-руководителей, а въ дѣлахъ болѣе важности, даже въ присутствіи двухъ судей. Эти люди служатъ посредниками для опредѣленія стоимости вещей, предъявляемыхъ къ платежу, а также для рѣшенія, по какому именно счету должны быть вещи приняты. Объ счетѣ этомъ будетъ объяснено ниже.

Однако есть и смертная казнь; она опредѣляется по суду въ такихъ случаяхъ, когда преступникъ, уже нѣсколько разъ сряду прежде нарушавшій присягу и установленныя правила, признается неисправимымъ. Такъ какъ община и родственники виновнаго отвѣчаютъ за него и уплачиваютъ часть пени, на него налагаемой, а въ случаѣ его несостоятельности, платятъ всю сполна; то, когда тяжесть подобныхъ послѣдовательныхъ, значительныхъ издержекъ дѣлается наконецъ невыносимою, преступника объявляютъ исключеннымъ изъ общины, лишенымъ покровительства законовъ и всякихъ правъ. Человѣкъ, о которомъ такое объявленіе сдѣлано, называется *психадзь*. Если онъ не успѣетъ тотчасъ послѣ объявленія скрыться бѣгствомъ, то схватывается, заковывается въ кандалы, привязывается къ дереву и убивается изъ огнестрѣльнаго оружія. Однако никто изъ своихъ не подниметъ на него руки. Обыкновенно заставляютъ какого нибудь раба сдѣлать смертельный выстрѣлъ. Чаще же всего такого преступника бросаютъ въ воду, привязавъ ему на шею камень. Отсюда и произошло названіе *психадзь*, означающее слово въ слово — „брошенный въ воду.“ Также иногда продаютъ такихъ преступниковъ въ неволю Туркамъ, которые по большей части всѣхъ туземныхъ невольниковъ вывозятъ въ Египетъ и перепродаютъ тамошнимъ беямъ.

У горцевъ по отсутствію грамотности всѣ житейскія сдѣлки совершаются словеснымъ порядкомъ; потому при судебномъ разбирательствѣ по большей части весьма трудно найти доказательства, достаточныя для опредѣленія справедливости претензіи. При отсутствіи отвѣтственности за показанія ложныя, всякій можетъ смѣло лгать и давать изворотливые отвѣты. Особенно затруднительно положеніе судей, когда дѣло доходитъ до фактическаго удостовѣренія. Въ такихъ случаяхъ за неизвѣніемъ ясныхъ уликъ обвиняемый призывается къ очистительной присягѣ и даже можетъ предложить ее самъ для своего оправданія. Произнеся клятву въ своей невинности, онъ безъ дальнѣйшихъ формальностей освобождается отъ всякой отвѣтственности. Но такъ какъ подобный способъ оправ-

данія для многихъ, кому не страшна ложная присяга, можетъ послужить обезпеченіемъ безнаказанности, то въ отвращеніе сего требуется, чтобы оправдывающійся являлся къ присягѣ съ извѣстнымъ числомъ свидѣтелей безукоризненнаго поведенія. Они съ своей стороны для приданія большаго вѣса присягѣ клянутся, что вѣрятъ всему сказанному обвиненнымъ. Этотъ родъ свидѣтельства называется *таирко-шесъ* — „ручательство за вѣрность присяги.“ Число свидѣтелей соразмѣряется съ важною искомъ и значеніемъ преступленія.

Для доказательства виновности отвѣтчика необходима присяга, по крайней мѣрѣ, двухъ свидѣтелей. Къ присягѣ не допускаются: родственники, какъ обвиняемаго, такъ и обвинителя и тѣ постороннія лица, которыя, или живутъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею съ представителями спора, или участвуютъ съ ними въ пользованіи общимъ имуществомъ.

Если отвѣтчикъ по истеченіи опредѣленнаго судебнымъ рѣшеніемъ срока будетъ уклоняться, — что бываетъ весьма часто, — отъ исполненія обязательства, къ которому приговоренъ, то въ этомъ случаѣ онъ понуждается только однимъ истцемъ. Понудительныя мѣры оригинальны не менѣе самой судебной расправы. Обиженный считаетъ себя обязаннымъ беспокоить отвѣтчика всѣми возможными средствами, какія сочтетъ достаточно дѣйствительными, чтобы ускорить уплату слѣдующей ему пени. Онъ вправѣ захватывать самовластно всякое имущество, его должнику принадлежащее. Одинъ изъ общепотребительнѣйшихъ пріемовъ понужденія состоитъ въ томъ, чтобы увести у отвѣтчика одну, или нѣсколько штукъ скота, но оставить при этомъ особенный знакъ, обыкновенно падку воткнутую въ землю близъ жилья, или даже въ самомъ его дворѣ. Это средство понужденія называется *такю*. Оно повторяется до тѣхъ поръ, пока должникъ не выйдетъ изъ терпѣнія и не станетъ, чтобы избавиться отъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, засылать посредниковъ. Весьма часто, когда такое постороннее вмѣшательство состоится, все захваченное возвращается сполна по принадлежности.

Не подѣйствуетъ и этотъ способъ, — есть другой, болѣе враждебнаго свойства. У упрямаго должника начинаютъ случаться одинъ за другимъ поджоги: то сѣна, то запасовъ хлѣба, то другой движимой собственности, а наконецъ, и дома. Не плаче, какъ ночью, когда всѣ спятъ, дѣлаются подобныя понужденія; но всегда, чтобы не подвергнуть хозяина опасности, а только напомнить ему о долгѣ, его будятъ, предупреждая во-время выстрѣломъ, обычнымъ сигналомъ тревоги. Обращаться такимъ образомъ можно, не только съ самимъ неисправнымъ плательщикомъ, но и съ его родными, чтобы заставить и ихъ позаботиться объ окончаніи дѣла и употребить для этой цѣли свое родственное вліяніе. Нетрудно представить себѣ, какія послѣдствія можетъ имѣть исполненіе подобной программы понужденій: право каждаго употреблять такіе способы для своего удовлетворенія, порождая одни новые споры, дѣлается источникомъ запутанныхъ и нескончаемыхъ распрей.

У горцевъ кровожаденіе не есть необузданное, неудержимое чувство, въ родѣ вендетты Корсиканцевъ; это скорѣе обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ, требованіемъ крови за кровь. Между тѣмъ почти вовсе нѣтъ примѣровъ убійствъ преднамѣренныхъ, хладнокровно рассчитанныхъ съ цѣлью обобрать трупъ, или разбойничества, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Вообще убійства весьма рѣдки и считаются необыкновеннымъ происшествіемъ въ краѣ. Этотъ фактъ тѣмъ замѣчательнѣе, что у горцевъ можно было бы ожидать весьма частыхъ убійствъ, какъ естественнаго и неизбежнаго послѣдствія права каждаго самому преслѣдовать оскорбителя и мстить врагу лично.

Самая тяжелая обида, возмущающая душу горца болѣе чѣмъ убійство родственника, это — оскорбленіе, наносимое посягательствомъ на честь родственницы, женщины, или дѣвушки, или вообще семейству; подобные случаи почти никогда не оканчиваются примиреніемъ, прежде чѣмъ позоръ не будетъ омытъ кровью виновнаго, или когонибудь изъ его родственникововъ.

Обычай требуетъ, чтобы кровный обидчикъ немедленно по совершеніи убійства бросалъ свой домъ и искалъ убѣжища и покровительства въ чужой общинѣ; онъ долженъ сдѣлать это, потому что, если онъ останется дома, то ответственность за убійство распространяется, не только на близкихъ его родственниковъ, но и на другихъ членовъ его рода и даже на всѣхъ людей одной съ нимъ общины. Если онъ показывается публично, то не иначе, какъ вооруженный съ головы до ногъ и окруженный свитою. Между тѣмъ родственники и друзья его употребляютъ всѣ усилія, чтобы успокоить раздражительную мстительность родныхъ убитаго. Кровный обидчикъ можетъ, если захочетъ, остаться дома, но въ этомъ случаѣ, долженъ выплатить семейству своей жертвы цѣну раба. Плата эта называется *уеимимше*. За тѣмъ окончательное миролюбивое соглашеніе можетъ быть достигнуто при помощи посредниковъ, когда они силою убѣжденія склоняютъ семейство убитаго принять въ выкупъ цѣну крови, *шловуасъ*, или, если дѣло идетъ только о пораненіи, — согласиться на вознагражденіе по опредѣленію суда. Нечаянныя убійства относятся къ разряду умышленныхъ, или вынужденныхъ какою нибудь причиною. Они оплачиваются тою же цѣною крови. Были примѣры, что за случайную смерть, причиненную кому либо домашнимъ животнымъ, вознагражденіе требовалось отъ того, кому животное принадлежитъ; рѣдко кому удавалось въ подобномъ случаѣ избавиться отъ уплаты пени. Всегда поднимется случай обвинить хозяина и вознагражденіе уже опредѣляется сообразно степени его виновности. Таковъ обычай, его признаютъ справедливымъ и безропотно ему покоряются. Ясно, что, по господствующимъ у горцевъ понятіямъ, преступность опредѣляется не по качеству моральнаго побужденія, а скорѣе только по количеству наносимаго ущерба. Потому и самое наказаніе ограничивается вознагражденіемъ вещественнымъ, основаннымъ на простой сдѣлкѣ.

Изъ вышесказаннаго можно замѣтить, что у Шапсуговъ и Натухажцевъ изъ всѣхъ преступленій менѣе всего было

терпимо и строже наказывалось нарушеніе общественныхъ обязательствъ. Эти обязательства — уважать неприкосновенность личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго, устанавливались между родами и общинами каждаго племени, а иногда между самими племенами взаимною присягою выборныхъ представителей ихъ.

Мы сказали уже о преступленіяхъ противъ личности; остается говорить о нарушеніяхъ права собственности, т. е. о воровствѣ.

Покушеніе на чужое добро признается воровствомъ, если оно сдѣлано у своихъ. Въ этомъ случаѣ разумѣтся, не только таже самая община и таже племя, къ которымъ принадлежитъ воръ, но даже чужое племя, если только состоялась съ нимъ присяга жить въ добромъ согласіи; такъ это было между Шапсугами, Натухажцами и Абадзехами. Напротивъ того, если кто явно промышляетъ воровствомъ на землѣ сосѣдей, въ отношеніи которыхъ нѣтъ никакихъ обязательствъ, то на это занятіе смотрятъ только, какъ на лучшее средство показать свое удалство и ловкость.

Грабежъ и разбой по дорогамъ у горцевъ не существуетъ (1) и было бы трудно пускаться на эти предпріятія въ странѣ, гдѣ каждый носить оружіе. Обыкновенное воровство различается, смотря по тому, сдѣлано ли оно: 1) изъ дому, со взломомъ дверей, замковъ и запертыхъ сундуковъ, или 2) внѣ жилья, въ чистомъ полѣ. Воровство со взломомъ считается болѣе преступнымъ и строже наказывается.

Мы нѣсколько разъ упоминали о присягѣ, имѣющей большое значеніе и обширное примѣненіе въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ судопроизводствѣ этихъ народовъ, потому признаемъ необходимымъ описать, какъ и на чемъ она приносится.

Въ прежнія времена присягали на посохъ, вырубленномъ

(1) Впрочемъ жители одного селенія на берегу Чернаго моря, называемаго *Тигансъ*, извѣстны своими разбоями; но и у нихъ оно не доходитъ до того, чтобы убивали одинокихъ странниковъ.

въ священной рошѣ, называвшейся *кисезхямебъ*, и произносимую клятву начинали словами: „я клянусь Тѣмъ, кто создалъ эту вѣтвь“... Обычай этотъ существуетъ и у Арабовъ. Но съ распространеніемъ въ край ученія Магомета коранъ замѣнилъ посохъ изъ священной роши. Однако, можетъ быть, по сохраняющейся еще привычкѣ, всякій разъ, когда надо присягать, коранъ вѣшается на простую палку, воткнутую въ землю. Надо при этомъ замѣтить, что присяга, какъ и общественныя дѣла вообще, совершается всегда подъ открытымъ небомъ, т. е. публично, а не въ домѣ. Присягающій почтительно подходитъ, дотрогивается рукою до священной книги и начинаетъ присягу словами: „я клянусь этою книгою слова Божія“ Кончивъ клятву, онъ подноситъ книгу къ губамъ и отходитъ. Этотъ обрядъ распространенъ повсемѣстно и проникъ даже туда, гдѣ исламизмъ не успѣлъ еще пустить глубокихъ корней.

Горцы хотя и знали цѣну монеты, но денегъ въ обращеніи у нихъ во все не было. Потому уголовныя пени опредѣлялись и уплачивались по расчету общепринятыхъ издревле опредѣлений стоимости. Мы по необходимости оставляемъ за этими мѣрами цѣнности мѣстныя названія: *сха*, *цю* и *тоотъ*.

Сха, какъ мѣра уголовной пени, бываетъ двухъ родовъ: 1) *вуокесха* — по кровомщенію привилегированнаго класса, и 2) *сха простая* — по кровомщенію за простолюдина. Стоимость перваго рода больше втораго. *Сха* слово въ слово значить „голова“. Народъ (*тфлокотъ*) платилъ пеню высшему классу (*вуоркъ*) по счету на *вуокесха*, но слѣдовавшія отъ него пени получалъ по счету на *простое сха*. Эта привилегія высшаго класса уничтожилась вмѣстѣ съ другими многими, какъ мы уже имѣли случай объяснить въ нашей статьѣ, помѣщенной въ IV книжкѣ Записокъ Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Географическаго Общества; но *вуокесха* еще въ ходу въ высшемъ классѣ, между его представителями. Цѣнности *сха* нельзя опредѣлить точнымъ образомъ. Хорошая кольчуга, шлемъ, налокотники, шашка, лукъ, ружье, большой котелъ изъ мѣди и тому подобныя вещи, если стоятъ не больше

шестидесяти *цю*, или быковъ, и не меньше шестидесяти барановъ, то составляютъ вообще одну *сха*; но смотря по сану лица, за котораго платится пеня, размѣры этой стоимости (въ указанныхъ предѣлахъ) бываютъ различныя: въ уплатѣ за князя (*пши*) *сха* считается въ 60 — 80 *цю* (быковъ), за дворянина (*вуоркз*)—считается уже меньше, смотря по санovitости рода и доходитъ наконецъ до восьми *цю* (быковъ) въ уплатѣ за простолюдина (*тфлокотль*). Всякій предлагаемый предметъ по качествамъ доброты, а больше по ловкости и убѣдительности посредниковъ-оцѣнщиковъ, можетъ при опредѣленіи его стоимости составить одну, или нѣсколько *сха*.

Цю значить „быкъ“. Плата эта принимается натурою, а также предметами домашняго хозяйства и т. п. вещами по оцѣнкѣ посредниковъ; *цю* равняется шести *тоонз*.

Тоонз значить „питука, или отрѣзокъ пряжи“, достаточный на платье мужское, или женское.

Въ число наличной уплаты отдають часто дѣтей обоюго пола, рожденныхъ въ рабствѣ. Ребенокъ долженъ быть ростомъ не меньше пяти *бже*, т. е. длины раскрытой кисти руки отъ мизинца до большаго пальца (пядь, четверть). Красота лица, стройное тѣлосложеніе, имѣють большой вѣсъ при опредѣленіи стоимости мальчика, или дѣвочки. Они оцѣниваются на стоимость *сха*.

Обычаи и обязательства, составляющіе основныя начала гражданскаго и уголовнаго права горцевъ.

I. Убіиство челоуѣка выкупается уплатою цѣны крови (*тловуасз*).

Въ прежнія времена цѣна крови была:

За убійство <i>пши</i> (князя)	100 <i>сха</i> .
За убійство <i>вуоркз</i> (дворянина)	42 —
За убійство <i>тфлокотль</i> (простолюдина)	20 —

Счетъ *сха* за убійство *вуорка* состоятъ изъ слѣдующихъ вещей:

панцырей	2.
шлемовъ	2.
шашекъ изъ сорта, который называется <i>кяме</i>	2.
налокотниковъ	2 пары.
хорошихъ коней	2.
ружей	1 (цѣною въ 16 быковъ).
серебрянный кубокъ	1.
быковъ	8.
посредственныхъ лошадей для дополненія счета до 42-хъ <i>сха</i> .	23.

Итого 42 *сха*.

Счетъ за убійство *тфлокотля*:

рабовъ	2.
панцырей	2.
шлемовъ	2.
налокотниковъ	1 пара.
шашекъ	2.
ружей	2.
лошадей	2.

Итого. 20 *сха*.

Въ послѣдствіи цѣна крови дворянина была назначена въ 30 *сха*, а еще позднѣе цѣна крови простолюдина возвышена, сперва до 28 *сха*, а потомъ и до 30-ти. По шаріату, повсемѣстно вошедшему въ употребленіе, цѣна крови опредѣлена въ 200 нестельныхъ коровъ (*чемебгуо*). По общему согласію этотъ штрафъ признанъ равняющимся пенѣ въ 30 *сха*.

II. Кто убьетъ раба, тотъ не подлежитъ кровомщенію со стороны его хозяина; цѣны крови не полагается, но уплачивается стоимость убитаго.

III. Нанесенныя раны, если дѣло кончилось миролюбивою развязкою, осматриваются посредниками и судя по степени вреда, который онѣ причиняютъ, [по величинѣ отверстія и въ особенности по поврежденію костей, оплачиваются различными

пеняни не больше половины цѣны крови и не меньше ея четверти, если не осталось никакого увѣчья.

IV. Ударъ палкою, если его знакъ остается замѣтенъ, вознаграждается уплатою нѣсколькихъ *ста*. Если слѣдовъ удара нѣтъ, обидчикъ платитъ, какъ и за ударъ плетью, нѣскольکو *цю*. Эта пеня носитъ особенное названіе *газюежъ* и можетъ считаться платою за безчестіе (которое падаетъ на получающихъ подобные удары).

Въ прежнее время ударъ, нанесенный дворянину (*вуоркъ*) выкупался пенею въ четверть цѣны крови (*мловуасъ*).

V. Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины, или дѣвушки, если дѣло доходить до миролюбиваго соглашенія, прежде отплачивались пенею въ пятнадцать цѣнностей *ста* за дворянина (*вуоркъ*); въ настоящее время одна и таже пеня назначается и для дворянина и для простолюдина (*мфлокотль*). Она составляетъ двадцать четыре головы крупнаго скота.

Въ прежнее время мужъ самъ казнилъ свою преступную жену,—обрѣзывалъ ей кончикъ носа и выгонялъ. Но уже давно обычай этотъ потерялъ свою силу. Бывали примѣры, что мужъ убивалъ жену, не навлекая на себя кровомщенія ея родныхъ и не дѣлаясь нисколько отвѣтственнымъ предъ ея родственниками. Теперь преступныя жены отсылаются обратно въ домъ родителей. Чаще всего женщины и дѣвушки, впавшія въ грѣхъ прелюбодѣянія, продавались вмѣстѣ съ ихъ незаконно-рожденными дѣтьми Туркамъ. Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы какъ нибудь предать забвенію позоръ, падающій на ихъ родныхъ и еще по той причинѣ, что для этихъ женщинъ нѣтъ уже никакой возможности выйти замужъ въ своемъ краѣ.

VI. Нѣтъ опредѣленнаго закона для наказанія измѣнниковъ. Собраніе народныхъ старшинъ рѣшаетъ ихъ участь.

VII. Совершившій воровство обязанъ возратить именно то, что укралъ; если же онъ не можетъ этого сдѣлать, то внести плату въ семь разъ большую цѣны украденнаго. Кромѣ того онъ платитъ штрафъ въ девять *цю* (быковъ).

Если воровство совершено со взломомъ, штрафъ увеличивается до девяти *цю*, но не больше, собственно въ вознагражденіе за безчестіе, нанесенное воровствомъ дому. Въ прежнее время дворянину (вуоркъ) за безчестіе дома платили пятнадцать *сла* а простолюдину (тѣлокотль) — семь.

Если воръ попадется вторично, штрафъ увеличивается до двадцати четырехъ *цю*. Но если и послѣ этого воръ не исправится и будетъ продолжать заниматься воровствомъ, то объявляется *психадзе*, т. е. „лишеннымъ покровительства законовъ“.

VIII. У дворянъ (вуоркъ) и простолюдиновъ (тѣлокотль) отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства можетъ, не только лишить сына наслѣдства, но просто убить его безо всякой передъ кѣмъ бы то ни было ответственности. Та же неограниченная власть признается за общиною, которая имѣетъ право жизни и смерти въ отношеніи каждаго своего члена.

IX. Кто оскорбилъ гостя въ чьемъ бы домѣ тотъ ни былъ, платитъ хозяину дома штрафъ въ одну *сла*; въ случаѣ убійства гостя платитъ девять такихъ цѣнъ за безчестіе дома, не зависимо отъ цѣны крови (*тловуасъ*), слѣдующей родственникамъ.

X. Послѣ смерти отца дѣти мужскаго пола наслѣдуютъ все недвижимое и движимое его имущество. Каждый изъ нихъ имѣетъ одинаковыя права на наслѣдство, которое они дѣлятъ между собою по-ровну. Женщинамъ права наслѣдства не предоставлено, однако вдовѣ умершаго наслѣдника съ общаго согласія предоставляютъ въ пожизненное пользованіе доходъ съ нѣкоторой части имѣнія; но и оно послѣ ея смерти, поступаетъ въ общій раздѣлъ къ наслѣдникамъ. Вдова имѣетъ кромѣ того право выбрать для жительства домъ одного изъ младшихъ своихъ сыновей, потому что домъ умершаго мужа ея со всѣми принадлежностями переходитъ въ собственность старшаго его сына. При дѣлежѣ наслѣдства раздѣлъ на равныя доли по числу наслѣдниковъ составляется младшимъ членомъ семейства; выборъ же долей идетъ по по-

ряду рожденія, начиная со старшаго. Между прочимъ старшій въ семействѣ имѣеть право взять сверхъ доли цѣнную вещь по своему выбору, даже раба. Только этимъ преимуществомъ и отличается право перзородства. Письменныхъ духовныхъ завѣщаній нѣтъ, но послѣдняя воля умирающаго исполняется въ самой строгой точности; нарушить ее значило бы подвергнуться всеобщему осужденію и презрѣнію.

XI. Кто во время боя первый овладѣетъ плѣнникомъ, или чужестранцемъ, не имѣющимъ въ этой землѣ кунаковъ, тотъ и считается полноправнымъ его владѣльцемъ. Если этотъ плѣнникъ будетъ пойманъ кѣмъ нибудь во время бѣгства изъ дома своего господина, то все-таки остается собственностью сего послѣдняго; только понимщику въ вознагражденіе выдается цѣнность *цю* (быка). Это такса за понимку бѣглеца.

XII. Невѣста составляетъ неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, пока невѣста еще остается въ родительскомъ домѣ, она будетъ кѣмъ нибудь похищена, то женихъ вправѣ преслѣдовать похитителя и обязанъ ему мстить. Подобное оскорбленіе принадлежитъ къ числу самыхъ нетерпимыхъ обидъ; въ этомъ случаѣ требованія чести обязываютъ всякаго рѣшиться на самыя крайнія мѣры для полученія удовлетворенія. Ссоры этого рода по большей части сопровождаются кровавыми послѣдствіями. Если родители невѣсты изъ какихъ нибудь личныхъ выгодъ содѣйствовали ея похищенію и это будетъ доказано, то они лишаются калыма, а невѣста принадлежитъ по праву первому жениху.

XIII. Отказаться отъ невѣсты безъ причины и безъ основательнаго повода значить нанести оскорбленіе и ей самой и ей семейству. При этомъ часть калыма, обыкновенно выплачиваемая предварительно женихомъ, не возвращается и даже онъ долженъ въ видѣ пени за отказъ дополнить къ этой части столько, чтобы составила половина условленнаго калыма. Калымъ (или плата выкупа) составляетъ: за дочь князя (пши) отъ 50 до 60 сха, за дочь дворянина (вуоркъ) 30 сха, за дочь простолюдина (тфлокотль) 25 сха.

XIV. Если жена бросает мужа, возвращается въ родительскій домъ и отказывается жить съ нимъ, калымъ долженъ быть возвращенъ мужу. Если напротивъ того мужъ бросаетъ жену по прихоти и безъ всякой основательной причины, онъ теряетъ право получить обратно весь калымъ сполна: можетъ требовать только одну его половину и лишается навсегда права требовать другую.

Установленіемъ этихъ правилъ освящена неприкосновенность обычаевъ, считающихся по опыту полезными, приличными и необходимыми; но именно въ этихъ-то обычаяхъ и гнѣздились главныя причины того насильственного порядка вещей, который долго еще оставался бы во всей своей силѣ, пока горцы успѣли бы завести у себя порядки болѣе прочныя и неизмѣнныя. Уже сдѣлано было у нихъ въ разное время нѣсколько попытокъ переиждити общественное устройство, но ни одна не имѣла успѣха. Отъ безначалія и своеволія, отъ постоянной тревоги и смятеній, господствующихъ въ горахъ, а еще болѣе отъ положительнаго недостатка повинновенія общественнымъ властямъ и вообще при отсутствіи администраціи, которая пользовалась бы уваженіемъ, терпѣть, конечно, болѣе всего частная собственность. Нерѣдко безпорядки доходятъ до того, что дѣлаются невыносимыми, тогда прибѣгаютъ къ чрезвычайной мѣрѣ, носящей названіе *эбер-таареуо*, въ переводѣ — „повальная присяга.“

Почетные старшины всѣхъ общинъ и родовъ, составляющихъ племя дѣлаютъ общій сборъ, отправляются въ тѣ мѣста, гдѣ безпорядковъ больше и обходятъ дома людей подозрительнаго поведенія. Выставляется коранъ, привѣшенный на палкѣ, воткнутой въ землю и, — въ силу того, что предпринимаемая мѣра касается пользы общественной, — начинается повальная присяга всего населенія. Каждый присягаетъ отдѣльно и формулою клятвы обязывается: „указать всѣхъ, какіе только ему извѣстны, виновниковъ безпорядка, созпаться вслухъ въ своихъ собственныхъ преступленіяхъ противъ установленныхъ правилъ и обѣщаться исполнять правила эти на будущее время ненарушимо.“

Мѣра эта оказывалась слишкомъ дѣйствительною въ отношеніи людей совѣстливыхъ; не разъ бывали въ этихъ случаяхъ примѣры полной откровенности, тѣмъ болѣе удивительной и необыкновенной, что за эту откровенность сознавшійся подвергался пенямъ за всѣ свои преступленія, которыя безъ того могли бы навсегда оставаться неизвѣстными. Впрочемъ многіе при приближеніи старшинъ уходять изъ дома и скрываются. Есть и такіе, которые не затрудняются присягать ложно, вопреки всѣмъ уликамъ и подозрѣніямъ и объявляютъ на присягѣ, что ни въ чемъ не виновны, хотя и принадлежать къ числу людей извѣстныхъ своимъ дурнымъ поведеніемъ. Однако вслѣдствіе поступавшій такимъ образомъ, покрываетъ себя въ общественномъ мнѣніи несмываемымъ пятномъ осужденія и пріобрѣтаетъ прозвище *таагаансе*, клятвopеступника, или слово въ слово— „обманщика предъ Богомъ“. Мѣра эта, не смотря на всю свою несостоятельность, повидимому, приносила нѣкоторое облегченіе бѣдственному положенію общества. Положительной пользы она приноситъ, конечно, не могла, но, по крайней мѣрѣ, она останавливаетъ прогрессивное распространеніе безпорядковъ и могла бы быть еще дѣйствительнѣе, еслибы не встрѣчала противодѣйствія въ нѣкоторыхъ испорченныхъ личностяхъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не удивляться, какимъ образомъ эти общества посреди постоянныхъ столкновеній между собою, при непрерывныхъ внутреннихъ раздорахъ, отстаивали свое существованіе. Мало того,—въ массѣ большинства всегда можно было замѣчать постоянное стремленіе къ порядку. Безъ всякаго сомнѣнія, основною причиною того и другаго было господство старинныхъ обычаевъ. Перехода изъ устъ въ уста, будучи при каждомъ случаѣ приводимы къ слову, примѣняемы къ дѣлу и обращаясь такимъ образомъ въ кровь и сокъ всего населенія, которое есть свидѣтель и судья поступковъ каждой отдѣльной личности,—эти обычаи становятся могущественнѣе всякихъ законовъ.

У горцевъ нѣтъ нищихъ, просящихъ милостыни, но нѣтъ

также и людей зажиточныхъ, или богатыхъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Потому весьма естественно представляется вопросъ: какинъ образомъ и изъ какого источника уплачиваются у нихъ судебныя пени и въ особенности цѣна крови, составляющая весьма крупную сумму. Вопросъ этотъ разрѣшается нижеслѣдующимъ объясненіемъ.

Всякая община, составляя часть племени, представляетъ семью въ большомъ видѣ и называется по имени своего родоначальника. Члены этой семьи - общины считаютъ другъ друга такими близкими родственниками, что не допускаютъ между собою брачнаго родства и сочли бы такой бракъ просто кровосмѣшеніемъ. Такая большая семья ведетъ свои дѣла съ-обща. Всѣ члены ея оказываютъ другъ другу при всякомъ затруднительномъ обстоятельствеъ нужную защиту и помогаютъ всѣ вмѣстѣ каждому отдѣльно. Всякое оскорбленіе и ущербъ, нанесенные одному изъ его членовъ, считаются посягательствомъ на благосостояніе всей общины и въ свою очередь каждый членъ . подлѣжитъ ответственности за свое поведеніе предъ всею общиной. Разъ лишившись защиты и покровительства общины, горецъ не можетъ уже имѣть никакихъ ручательствъ за свою личную безопасность и жизнь.

На этомъ основаніи тотъ, кому нужно платить, получаетъ вспомошествованіе отъ своихъ собратій по общинѣ. Но какъ бѣольшая часть общинъ невелика числомъ людей, состоя только изъ нѣсколькихъ семействъ, то и мировой сборъ съ нихъ не можетъ составить достаточной суммы. Въ такомъ случаѣ сборъ идетъ и по остальнымъ общинамъ племени. Иногда онъ простирается и еще дальше, тогда за вспомошествованіями обращаются къ друзьямъ и знакомымъ въ отдаленныхъ племенахъ.

По принятому обычаю, взысканныя судебныя пени распрѣдѣляются слѣдующимъ образомъ: небольшую часть получаюгъ судьи, другая, болѣе значительная, раздается родственникамъ истца, а за тѣмъ остальное, т. е. около трети всей пени, предоставляется его семейству.